

А.В.Моторин

ТВОРЧЕСТВО СЯТИТЕЛЯ МАКАРИЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ, И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Творчество и пастырская деятельность святого митрополита Московского и всея Руси Макария (ок. 1482—1563) способствовали высшему расцвету русского православного самодержавия, развивавшегося в симфоническом взаимодействии церковной и государственной власти. Особое место в богословском наследии святителя Макария занимает обоснование возможности и необходимости священных изображений Пресвятой Троицы, символически выражающих богоданное единство и крепость православной державы.

Ключевые слова: древнерусская словесность, иконопись, самодержавие, Православие, симфония властей, русская историософия

Каждый из святителей Земли Русской в меру отпущенных им дарований и возможностей служил сохранению, укреплению, развитию русской православной державности. Однако в их сонме есть три первосвятителя, особенно мощно подвизавшихся на этом поприще и утверждавших свою деятельность, запечатленную и богословски, спасительное для страны и народа симфоническое взаимодействие Церкви и государства.

Во-первых, это святитель Иларион (XI век), митрополит Киевский и всея Руси, духовный сподвижник благоверного великого князя Ярослава Мудрого — первый русский по происхождению и поставленный собором русских епископов глава Русской Православной Церкви (1051—1054). В своем «Слове о законе и благодати» (между 1037—1051) он предначертал путь развития Руси как всемирной православной державы и ввел понятия единодержавия и единодержца — более в духовном смысле точные, нежели укоренившиеся позднее понятия самодержавия и самодержца.

Во-вторых, это святитель Василий Калика, архиепископ Новгородский (+1352), правивший Новгородом как колыбелью и сокровенным средоточием русской вселенской православной государственности. Святитель ожидал Второго Пришествия Христа и схождения Небесного Иерусалима именно на Русь, именно в Новгород. И не случайно с его именем и судьбой связана таинственная «Повесть о белом клобуке», записанная в 15 веке по прижизненным святителю преданиям 14 века. В этой повести разъясняется, как и почему белый клобук, священный головной убор, означавший вселенское первосвятительское достоинство и подаренный святым императором Константином Великим святому Римскому папе Сильвестру, оказался спустя века по Божию велению через посредство патриарха Константинопольского в Новгороде в дар святителю Василию с правом ношения и передачи последующим новгородским архиереям.

И наконец, в-третьих, это святитель Макарий (ок. 1482—1563), сначала архиепископ Новгородский, а потом, с 1542 года, митрополит Московский и всея Руси. Став духовным учителем и государственным сподвижником царя Иоанна Грозного и перейдя на служение в Москву святитель перенес в новую столицу и белый клобук, утвердив ее первопрестольное достоинство.

Еще в Новгороде в 1530—1541 годах святитель совершил под своим руководством потрясающий по размаху труд — рукописный свод всех «чтомых» книг на Руси, составивших 12 объемистых томов «Великих Миней-Четьих» — помесечного и поденного чтения, включившего в себя все значимые сохранившиеся на то время православные русские и переводные сочинения. Часть сочинений сохранились до нашего времени только благодаря этому собранию. Оставив рукопись в библиотеке Софийского собора на помин души своих родителей, святитель дважды повторил издание уже в Москве: один свод даровал царю, а другой передал в Успенский собор на помин своей души и своих родителей. Тем самым он создал дошедшую до нас энциклопедию русской духовной жизни, ставшую одной из опор русской православной державности.

Стремясь усилить распространение священных сочинений, святой Макарий основал на Руси книгопечатание и благословил создание в Москве первой типографии для печатания книг.

Не останавливаясь на собирании ранее написанного, святитель руководил сочинением житий новоканонизированных при нем русских святых. Для канонизации он в 1547 и 1549 годах созвал в Москве два церковных собора.

В 1547 году он как глава Церкви венчал Ивана Грозного на царство, сочинив для этого священнодействия особый чин венчания царя. Тем самым святой Макарий духовно закрепил достижение Россией высшей степени развития православной державности. До этого целый ряд великих князей русских, в чьих деяниях особенно выразилась вселенская сила русской державы, время от времени именовались внутри страны и извне царями: святой Владимир Креститель, святой Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, святой Дмитрий Донской, Иван III, Василий III. И только со времени Ивана IV Грозного звание царя благодаря святителю Макарию окончательно утвердилось и закрепилось как благословение Божие, дарованное через Церковь.

В 1551 году при участии царя Иоанна святой Макарий провел в Москве Стоглавый поместный собор, решения которого составили знаменитый «Стоглав» («царское и святительское уложение») — сборник из ста глав, которые содержат ответы Церкви на вопросы царя Иоанна, касающиеся всех сторон жизни России как православной державы.

В 1552 году митрополит Макарий благословил царя Иоанна IV идти на Казань, предсказав ему грядущую победу и одоление остатков Золотой Орды в Поволжье.

В обоснование и закрепление достоинства России как вселенской православной державы по благословению и под руководством святителя Макария (а возможно, и при его соавторстве) была создана «Степенная книга царского родословия» — первое и едва ли не последнее систематическое изложение русской истории как развития мировой православной державы. В 17 степенях-разделах этого труда описана русская история от св. Владимира-Крестителя до Ивана IV Грозного. Книга скреплена учением о божественном происхождении русского единодержавия. Родословие русских великих князей Рюриковичей Степенная книга возводит к первому римскому императору Августу. Подобно «Великим Минеям-Четьям», «Степенная книга» вобрала в себя многочисленные сочинения древнерусской книжности, став энциклопедическим сводом по русской истории. Утверждается в книге и православная симфония властей: жизнь выдающихся князей описывается как житие подвижников благочестия, и так же представлены жития святителей Русской Церкви.

Среди многочисленных и поистине вселенских по размаху и значению для Православия деяний святителя Макария следует особо отметить одно, до сих пор вызывающее острые споры и сохраняющее свою злободневность — это основательная богословская защита изобразимости Пресвятой Троицы в тех видах как Троициный Бог благоволил являть Себя в разное время в истории человечества.

Изображение Пресвятой Троицы — высшая точка в развитии православного иконописания или живописания, а по-гречески — зографии, как выражались и на Руси в древности.

Обоснование изобразимости явлений Пресвятой Троицы святитель Макарий дал предварительно на Стоглавом соборе 1551 года, и окончательно — на церковном соборе 1553—1554 годов, созванном для разоблачения вновь усилившейся ереси «жидовствующих». Такая проведенная на высшем церковном уровне богословская защита верховного православного образа была вызвана опасным кризисом в жизни Русской Церкви, а значит и государства. В очередной раз и теперь особенно изощренно усилилась проиудейская ересь, проникшая на Русь еще при деде Ивана IV Грозного, царе Иване III. За явными еретиками Матвеем Башкиным и Феодосием Косым скрывался лукавый вождь ереси — ближайший к царю государственный деятель, посольский дьяк Иван Висковатый, глава посольского приказа, хранитель государственной печати и царского архива. В то время как откровенные еретики выступали вообще против иконописания, логика скрытых еретиков заключалась в том, что из образов, в каких являлись ипостаси Пресвятой Троицы, людям можно изображать только Иисуса Христа, потому что только Он благоволил воплотиться на земле в человеческом теле. Святого Духа и Бога Отца, хоть они и являлись порою в разных видах избранным людям, изображать нельзя. За этой логикой скрывалась точка зрения жидовствующих, для которых Христос не был Богом. По сути эта разновидность ереси стала гибким, прикрытым видимостью Православия изводом проиудейского византийского иконоборчества.

На Руси и до святителя Макария понимали суть этой ереси и потому образы Святой Троицы с особым усердием созерцались, писались и осмысливались во времена усиления угроз Православию, в частности, угроз от нашествия ересей, особенно во второй половине XIV — первой половине XVI века. В ту пору Святую Троицу мистически созерцают, иконно почитают и молитвенно прославляют преподобный Сергей Радонежский (+1392) со своими последователями, среди которых и творец самого знаменитого образа Святой Живоначальной Троицы — преподобный Андрей Рублев (+1430). В этой череде духовных созерцаний пребывает и чудесное общение преп. Александра Свирского (+1433) с Троициным Богом, явившимся ему в виде Трех Мужей. Богословским венцом таких возвышенных мистических переживаний стали писания преподобного Иосифа Волоцкого (+1515) и Деяния церковных Соборов, возглавленных святителем Макарием: Стоглавого Собора 1551 года и Собора 1553—1554 годов, на которых была разъяснена возможность и необходимость священных изображений Святой Троицы и Бога-Отца.

Преподобный Иосиф Волоцкий возглавил и богословски обосновал борьбу с иконоборчеством, которое распространилось особенно широко в виде ереси «жидовствующих», пришедшей с Запада через Новгород в 1470-е годы. В «Послании к иконописцу» (около 1480-х) преподобный рассуждает в духе исихастского богословия образа, выраженного в писаниях святителя Григория Паламы. Три Слова «Послания...» воспроизводятся соответственно в шестом, седьмом и пятом Словах «Просветителя» — объемистого сочинения, составленного преподобным Иосифом против жидовствующих. Согласно этому богословию, источник всех священных, благодатных, животворных образов — Святая Троица, Троициный Бог, к Которому должен устремляться душою всякий живописец и всякий верующий созерцатель святых икон: «Да воздеси зрительное ума к Святей, Единосущней и Животворящей Троице, в мысли твоей и чистом сердце твоём» [1]. Именно благодаря богословию Волоцкого чудотворца на Руси широко распространяются выражения «Животворящая Троица» и «Живоначальная Троица» [2]. Изображения Святой Троицы преподобный не только не отвергает, но и считает венцом священного живописания: изображать Троицу нужно «того ради, яже бо невозможно есть нам зрети телесныма очима, сих созерцаем духовне ради иконнаго въображения» [1, с. 336].

На Стоглавом Соборе 1551 года была подтверждена возможность писать образ «Святой Троицы», который издревле утвердился в церковной жизни: «Писати живописцамъ иконы зъ древнихъ образовъ, како греческия живописци писали и какъ писалъ Андреи Рублевъ, и прочии пресловущи живописцы, и подписывати Святая Троица, а отъ своего замышления ничтоже претворяти» (Глава 41) [3].

Суждения святителя Макария о живописании Пресвятой Троицы тем более убедительны, что сам он был выдающимся иконописцем своего времени и понимал это священное дело изнутри. Имя святителя начиная с XVII века встречается в «Сказании о святых иконописцах». Уже при жизни святителя изображения его самого появляются на иконах.

Решения церковного Собора 1553—1554 годов стали вершиной русского богословского обоснования священного живописания. На этом Соборе, созванном летом 1553 года, был дан отпор новому наступлению ереси жидовствующих, которую на этот раз распространяли Матвей Башкин и Феодосий Косой, а также стоявшие за ними выходцы с Запада. Были соборно опровергнуты возобновившиеся под влиянием ереси иконоборческие нападки на образы Бога-Отца и Святой Троицы [4]. С такими нападками выступил влиятельный руководитель посольского приказа дьяк Иван Висковатый. Ведя тонкую прозападную политику и постоянно удостаиваясь восхищенных похвал западных дипломатов, дьяк воспользовался поднятой на Соборе борьбой против снова усилившейся ереси для того, чтобы ловко обвинить в некоторой причастности к еретикам современных новгородских и московских иконописцев, работавших в Кремле под духовным покровительством священника Благовещенского кремлевского храма Сильвестра и святого Московского митрополита Макария. Тень обвинения падала, таким образом, на близких царю духовных вождей русского Православия. Выпад был сделан неожиданно — прямо во время суда над Башкиным 25 октября 1553 года в присутствии царя и бояр. Посольский дьяк намекнул, что иконописцы близки к ереси, на основании допущенной ими возможности вводить в иконы образы ветхозаветных пророческих видений, в которых передаются символические по сути образы Бога-Отца и вообще бесплотных духовных существ (символические, потому что отображают не саму сущность или природу Бога, а те виды, в которых Бог благоволил явить Себя людям через пророков).

Видимая логика Висковатого была проста: обратились к Ветхому Завету — значит жидовствуют. Внутреннюю противоречивость такого обвинения вскрыл святитель Макарий в своих ответах на выпады дьяка, при этом он прозрачно намекнул на сокровенную еретичность суждений своего противника: «И туто же говорил дьяк Иван Михайлов: “Не подобает невидимаго Божества и безплотных вообразати, как ныне видим на иконе писано “Верую в единого Бога”. И Митрополит ему молвил: “Да как писати?” И Иван говорил: “Писати бы на той иконе словы: Верую в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. А оттоле б писати и вообразати по плотскому смотрению иконным писмом: И во единого Господа Исуса Христа, Сына Божия, и прочая до конца”. И Митрополит тогда о том Ивану воспретил: “Говоришь де, и мудрствуешь о святых иконах негораздо. То мудрование и ересь галатских еретиков: не повелевают невидимых бесплотных на земли плотию описовати. А живописци невидимаго Божества не описуют, а пишут по пророческому видению, и по древним образом, по преданию святых Апостол и святых Отец. И ты о том мудрствуешь и говоришь негораздо, понеже не велено вам о Божестве и о Божиих делех испытovati”. Да и о том ему тогда Митрополит говорил же: “Стал еси на еретики, а ныне говоришь и мудрствуешь негораздо о святых иконах, не попадися и сам в еретики, знал бы ты свои дела, которые на тебе положены <...>» [4, с. 2]. Под «галатскими еретиками», по мнению С.С.Безобразова, святитель Макарий понимает иудейских лжеучителей, с которыми боролся ап. Павел в послании к Галатам и которые, естественно, были против изображений Бога [5].

Противоречие в суждениях Висковатого вскрывало его тайную близость еретикам: как можно объявлять проиудейским искажением веры само стремление изображать Бога, если именно прегрешившим иудеям Бог в Ветхом Завете запретил создавать священные изображения духовного мира, так что следование такому запрету отбрасывает христиан на уровень иудаизма, ограниченного свыше в его магических богоборческих поползновениях к живописанию ложных богов и сотворению кумиров. Именно жидовствующие и подобные им проиудейские ереси, действовавшие против Христа под видом истинного христианства, выступали против икон вообще, а когда это становилось невозможным, — против духовно-символических священных изображений и, в особенности, против образов Бога-Отца (единственно истинного Бога, с их точки зрения). Святитель Макарий понимал антихристианскую логику этого нового прикровенного иконоборчества и дал ему неотразимую отповедь, основанную на богословии святых отцов Церкви: иконописцы с древнейших времен живописуют Бога-Отца не по существу (божеству, природе, естеству), а «якоже святити пороци видеша и святити отцы, в образе Господа Саваофа пишут по человечеству» [4, с. 36]. Поскольку же Бог многократно благоволил являться святым не только «по человечеству», то и все подобные образы богоявлений могут быть прообразами для иконного живописания: «Яко же убо не является, еже есть, но еже может видяй видети, сего ради овогда убо стар является, овогда же юн, овогда во огни, овогда же в хладе, овогда в ветре, овогда в воде, овогда же в оружиих, не прелогая Свое Существо, но воображаа зрак различию подлежащих» [4, с. 18]. Здесь святитель воспроизводит суждение святого Иоанна Златоуста из Слова «Преста Царица одесную тебе» [6], как ранее это сделал преподобный Иосиф Волоцкий в третьем Слове «Послания к иконописцу» [1, с. 372].

Л.А.Успенский, будучи сторонником суждений Висковатого, тем не менее, признал: «Этот аргумент митрополита оказался настолько неотразимым, что проходит красной нитью у всех защитников изображения Бога-Отца и не потерял силы до наших дней» [7].

Так и Висковатый по ходу соборного разбирательства в своем покаянии вынужден был признать допущенную им ошибку: «Мнел еси, что неописанное Божество исписуют» [4, с. 32]. По решению Собора дьяк был довольно мягко наказан, причем не столько за свои заблуждения (кои посчитали искренними и невольными), сколько за то, что он уже три года распространял их среди несведущего народа, не прибегнув прежде к церковному выяснению вопроса, и тем посеял семена смуты: именно на три года он и был лишен по епитимье церковного причастия.

В дальнейшем дьяк даже смог удержаться у кормила государственной власти и продолжал свою подрывную деятельность на дипломатическом поприще, за что, в конце концов, жестоко поплатился, претерпев казнь: 1570 году на площади в Китае-городе в присутствии самого царя ему прочли обвинение, гласившее, что он сносился с королем Сигизмундом II Августом, хотел предать ему в Речь Посполиту Новгород, а также писал султану, чтобы тот взял Казань и Астрахань, и звал крымского хана опустошать Россию.

По сути же Висковатый задолго до своей печальной кончины начал работать на разрушение державы через еретическое дробление Русской Православной Церкви, осуществляемое путем распространения ложного решения по ключевому вопросу иконописания.

В образах Пресвятой Троицы, не просто дозволенных, но и благословленных на церковном соборном уровне благодаря святителю Макарию, выразилась глубокая мысль о богоданном единстве и нерушимой крепости вселенской православной державы, хранимой любовью Троицкого Бога ко Своему творению.

1. Иосиф Волоцкий, преп. Послание иконописцу // Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XV веков. М.; Л., 1955. Приложение. С. 326.
2. Словарь русского языка XI—XVII веков. Вып. 5. М., 1978. С. 102.
3. Стоглав. Царския вопросы и соборныя ответы о многообразных церковных чинехъ. М.: Типография Э.Лиснера и Ю.Романа, 1890. С. 168.
4. Деяния Собора 1553—1554 годов: «Розыск, или Список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон, диака Ивана Михайлова, сына Висковатого в лето 7062 (1554)». С предисл. О.Бодянского. С рукописи Волоколамского монастыря // Чтения императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Кн. 2. Отд. 3. С. 1-42.
5. Андреев Н.Е. О деле дьяка Висковатого // *Seminarium Condacovianum*. Прага, 1932. Vol. V. С. 224. Прим. 188.
6. Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 7. Ноябрь. Дни 13—15. СПб., 1899. Стлб. 1145.
7. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 2001. С. 360.

References

1. Iosif Volotskiy, prep. Poslanie ikonopistsu [Message to the iconographer]. In: Kazakova N.A., Lur'e Ya.S. Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV — nachala XV vekov. Moscow, Leningrad, 1955. Prilozhenie, p. 326.
2. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vekov [Dictionary of Russian language of the 11th-17th centuries.], iss. 5. Moscow, 1978, p. 102.
3. Stoglav". Tsarskiya voprosy i sobornyya otvety o mnogorazli"chnykh tserkovnykh" chinekh" [Stoglav. Tsar questions and Collected Answers on Multiple Diverse Church Titles]. Moscow, 1890, p. 168.
4. Deyaniya Sobora 1553—1554 godov: "Rozysk, ili Spisok o bogokhul'nykh strokakh i o sumnenii svyatykh chestnykh ikon, diaka Ivana Mikhaylova, syna Viskovatogo v leto 7062 (1554)". S predisl. O.Bodyanskogo. S rukopisi Vo-lokolamskogo monastyrya [Acts of the Council of 1553-1554: "The Search, or List of Blasphemous Strings and the doubts of Saints Honest Icons, by Diacon Ivan Mikhailov, Son of Viskovaty in the Summer of 7062 (1554)".]. Chteniya imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete, 1858, vol. 2, part 3, pp. 1-42.
5. Andreev N.E. O dele d'yaka Viskovatogo [About the case of deacon Viskovaty]. Seminarium Condacovianum. Praga, 1932, vol. V, p. 224. Prim. 188.
6. Velikie Minei Chetii, sobrannye Vserossiyskim mitropolitom Makariem, iss. 7. Noyabr'. Dni 13—15 [Great Menaion Reader, collected by the All-Russian Metropolitan Macarius. Iss. 7. November. Days 13-15]. St. Petersburg, 1899, stlb. 1145.
7. Uspenskiy L.A. Bogoslovie ikony Pravoslavnoy Tserkvi [Theology of the Icon of the Orthodox Church]. Moscow., 2001, p. 360.

Motorin A.V. The works of Saint Makariy, Metropolitan of Moscow and all Russia and the formation of the Russian orthodox autocracy. The creativity and pastoral activity of the holy Metropolitan of Moscow and All Russia Makariy (c. 1482—1563) contributed to the highest flowering of the Russian Orthodox autocracy, which developed in the symphonic interaction of church and state power. A special place in the theological heritage of St. Makariy is occupied by the justification of the possibility and necessity of the sacred images of the Holy Trinity, symbolically expressing the God-given unity and fortress of the Orthodox state.

Keywords: Old Russian literature, icon painting, autocracy, Orthodoxy, symphony of authorities, Russian historiography.

Сведения об авторе. Александр Васильевич Моторин — д. филол. н., профессор (специальность 10.01.01 – русская литература), НовГУ им. Ярослава Мудрого, ИНПО, КНДОиСУ; ORCID: 0000-0001-6368-4647; amotorin@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.